

Тот факт, что вводно-модальные слова (в другой понятийной системе ДС-парентезы) выполняют функцию, подобную перформативному употреблению предикатов пропозиционального отношения (*Я думаю, считаю, полагаю, знаю*), давно отмечен лингвистами. Общность ДС-парентез и предикатов этого типа логически предопределена модальной функцией, именно поэтому в структуре высказывания они являются функционально-семантическими аналогами. Так, например, глаголы *думать / считать / предполагать* и ДС *наверне / очевидно / возможно / вероятно* формируют модальность мнения-предположения.

Установленная функциональная аналогия в семантике модальностей, выражаемых предикатами и ДС-парентезами, подтверждается не только результатами семантических исследований, но и интуицией носителей языка. Тем не менее, в значениях ДС остается некоторая загадка, в частности, неясно, почему с помощью семантического метаязыка не удастся детально проанализировать и установить различия в значениях слов-синонимов *наверное, верно, наверняка, очевидно, может быть, вероятно, возможно, должно быть*. В ряду различных средств выражения модальности мнения-предположения эти ДС противопоставлены друг другу в аспекте внутренней формы, задающей в самом общем виде (нерасчлененно) интерпретацию выражаемой интенции, как то: «вера», «очевидность», «долженствование», «бытие», «возможность».

Представляется возможным определить специфику значений ДС на основе парадигматического сопоставления значений функциональных аналогов и их синонимов. В связи с этим возникает вопрос: какие прагматические правила руководят выбором говорящего? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть 1) особую роль внутренней формы в формировании многозначности ДС; 2) сопоставить понятийные значения предикатов (в том числе и ДС-предикатов) и нерасчлененные, непонятийные значения ДС-парентез; 3) определить различные коммуникативные роли предикатов и ДС-парентез в коммуникативной структуре соответствующих речевых актов. Настоящая статья посвящена рассмотрению этих трех сопря-

женных аспектов описания, которые, как представляется, могут помочь выявить специфику ДС.

1. Своеобразие значений ДС видится в особой организации значений многозначного слова, предопределенной содержанием его внутренней формы. В контексте поставленной задачи внутренняя форма слова предстает как осознаваемая говорящим мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова.

Наличие внутренней формы у ДС означает определенный тип деривационно-ассоциативных смысловых отношений в семантической структуре слова. В зависимости от того, какая сущность является вторым термом отношения, лингвисты различают разные типы внутренней формы. Первый тип можно назвать словообразовательным, отношения в этом случае устанавливаются с другими словами; второй – эпидигматическим, – вторым термом отношения в этом случае является другое значение того же слова; кроме того, внутренняя форма может совмещать эти типы, в связи с чем выделяется словообразовательно-эпидигматический тип [4:89]. Вообще говоря, любое слово, имеющее деривационную историю, имеет внутреннюю форму словообразовательного типа, а дискурсивное слово является именно таким, вторичным типом знака. Все ДС производны, мотивированы другими словами русского языка, ср.: *оч-е-вид-н-о, на-вер-н-ое и др.* Кроме того, почти все ДС многозначны, и в применении к их значениям необходимо учитывать не только словообразовательную, но и семантическую деривацию.

Отметим, что «семантическая деривация» отражает отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, а также диахронические отношения между значениями слова в разные моменты его истории. Модель той или иной семантической деривации – это не что иное, как образец внутренней формы эпидигматического типа.

Любопытен сам факт развития многозначности ДС *очевидно, наверное, наверняка, верно и др.* Рассуждая о языковых механиз-

мах многозначности ДС, Т.Е. Янко устанавливает направление деривации «от достоверного знания к недостоверному» [5:332]. Интересующие нас слова в функции предиката или обстоятельства в составе базового предложения, а также в коммуникативной роли темы или ремы имеют значение «истинностной оценки» (Ср.: *Я это знаю наверное / наверняка. Это верно / очевидно*). Немаловажно также, что значение «истинностной оценки» обусловлено словообразовательной внутренней формой.

Для ДС *очевидно* устанавливается значение «точного, достоверного знания, которое выводится говорящим из непосредственного зрительного восприятия, из того, что «очи видят» (ср. *очевидец, очевидность*). Введение с помощью предиката *очевидно* некоторого факта может означать, что этот факт рассматривается говорящим в качестве ожидаемого, доступного наблюдению, соответствующего представлениям о развитии событий, ситуации (Ср.: *Как ни безнадежен он был, как ни очевидно было при взгляд на него, что он не может выздороветь, Левин и Кити находились в этот час в одном и том же счастливом и робком...возбуждении* (Л.Н. Толстой). Для утверждений типа «*очевидно, что Р*» говорящий является гарантом Р, потому что в реальной действительности имеется нечто осязаемое, то, что можно увидеть, наблюдать, что может понять каждый человек. *Очевидно* в этом случае выступает как средство убеждения собеседника в правоте говорящего.

Синонимичными ДС-предикату *очевидно* могут считаться слова со значением «истинностной оценки», выступающие в функции предикатов или обстоятельств, такие как *верно, наверное, наверняка, точно, само собой разумеется*. Генетически первичные значения слов *верно, наверное, наверняка* формируются внутренней формой, восходящей к значению «такой, которому можно верить, достоверный». Эти значения «истинностной оценки», «знания», свойственные предикатам и обстоятельствам, дескриптивны. Дескриптивные значения этих слов связаны, выводятся из их внутренней формы и могут быть противопоставлены друг другу в аспекте тех мотивировок, которые задаются разными внутренними формами, ср.: разницу между – *Это очевидно* и – *Это верно*.

Внутренней формой эпидигматического типа, как правило, обладают слова, имеющие наряду с «прямым» и «переносное» значение, например: *нос* (корабля), *яблоко* (глазное) и т.п. Парадигматическое сопоставление зна-

чений ДС приводит к пониманию того, что внутренняя форма эпидигматического типа играет особую роль в формировании парентетических значений, которые, будучи континуальными, не являются, тем не менее, образными. В случае с рассматриваемыми ДС эпидигматическая внутренняя форма ничего не говорит о значении слова, и даже может ввести в заблуждение (например, иностранца). Эпидигматической внутренней формой второго, производного значения «мнения-предположения» является значение «истинностной оценки». Это значение субъективного мнения-предположения ДС *очевидно, верно, наверное, наверняка* (также как и *видимо, по-видимому*) получают в особой синтаксической и коммуникативной позиции, причем, скорее, вопреки словообразовательной внутренней форме, чем благодаря ей. Паратентическое *очевидно* формирует в высказывании значение предположительной модальности, эта модальность семантически противопоставлена модальности точного, достоверного знания говорящего, ср.: *Сын, очевидно, / наверное / верно, заболел*. Тем самым ДС *очевидно* (как и некоторые другие) обнаруживает в некотором смысле внутренний конфликт, т.к. словообразовательная внутренняя форма противоречит значению «предположения». Значение «предположения» нейтрализует значение «очи видят», которое закодировано внутренней формой. Модальность предположения, формирующаяся в высказывании с ДС-парентезой *очевидно*, никак не связана с непосредственным наблюдением говорящего, не выводится из зрительного восприятия субъектом речи некоторой ситуации или события. Модальность предположения – это то значение, которое выявляется в парентетической позиции у всех рассматриваемых ДС и которое, как можно предположить, сформировано употреблением слова в функции вставки. При этом происходит дестимологизация и унификация значений разных ДС, тем самым различные первичные дескриптивные смыслы обобщаются в один понятийно не расчлененный модальный смысл, который, как представляется, соответствует психолингвистической сути парентетической позиции.

Знание механизмов семантической деривации может позволить понять и объяснить, почему произошел тот или иной семантический переход в значениях данных слов, а это, в свою очередь, позволяет выявлять возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития значений. ДС в функции парентезы не входят

в синтаксическую структуру предложения, не имеют грамматических связей с другими словами в предложении, для них характерна изолированная синтаксическая позиция. Эта своеобразная синтаксическая изоляция ДС фиксируется и в знаках препинания. Изолированной синтаксической позиции парентезы соответствует особая коммуникативная позиция и особая коммуникативная роль слова. Показательно, что в академической грамматике ДС-парентезы отнесены в число средств выражения субъективной модальности, а ДС-предикаты связываются с объективной модальностью.

2. Противопоставление в грамматике объективной и субъективной модальности находит интуитивную поддержку в языковом сознании носителей языка. Для осознания специфики значений ДС необходимо эксплицировать различия в значениях противопоставляемых компонентов. При этом наиболее показательны те контексты, в которых выражена одна и та же или близкая по значению модальность. Именно эти контексты позволяют зафиксировать разницу в прагматической информации: ср. – *Сегодня может быть дождь* и – *Сегодня, может быть, пойдет дождь*; – *Завтра вероятно похолодание* и – *Завтра, вероятно, похолодает*. Первые предложения в парах, скорее всего, функционально предназначены для официального дискурса – прогноза или сводок о погоде. Эти предположения имеют прагматическую импликацию «взвешенных, ответственных, продуманных и заранее, до момента речи запланированных суждений» и квалифицируются в грамматике в качестве предложений объективной модальности. Вторые, скорее всего, принадлежат обыденному дискурсу, в котором проявляется субъективный произвол предположений, спонтанность, импульсивность, неподготовленность высказываний, эмоциональность говорящего. Предположения с ДС-парентезами второго типа, в отличие от первого, осознаются как «безответственные» мнения, за которые в силу их неподготовленности и спонтанности субъект не отвечает. Одним из основных прагматических следствий из этой импликации является уход говорящего от ответственности, возможность противоположного мнения собеседника в диалоге, ориентация на любое возражение, тем самым обнаруживается принципиальная диалогичность высказываний с ДС.

Как представляется, это различие прагматических смыслов связано с тем, что в функции предиката слово, означая понятие, явля-

ется своеобразным отпечатком мыслительной процедуры субъекта. Известно, что в функции предиката может выступать любое слово понятийной семантики. ДС-парентезы лишены способности выступать в функции предиката базового предложения, их назначение – выражать интенции говорящего как «неосознанные» внутренние состояния.

3. Как уже отмечалось выше, предикаты пропозиционального отношения и ДС-парентезы соотносительны по значению. Отличие вводно-модального слова от глагола-предиката состоит в изолированной синтаксической позиции и в связанной с этим коммуникативной роли слова в линейно-акцентной структуре предложения, выступающего как база речевого акта (РА). Сопоставим и проанализируем коммуникативную организацию соответствующих речевых актов. В коммуникативной организации РА сообщения на основе изъяснительного предложения с глаголом *думать* (Ср.: *Я думаю, что Иван не придет тебя проводить*), компонент *Я думаю* выполняет функцию зачина РА, и поэтому связывается с темой (Т); основной пропозиции – *Иван не придет тебя проводить* – приписывается, ввиду ее информативной актуальности и ведущей роли в выражении иллокуции РА сообщения, коммуникативный статус ремы (Р).

Коммуникативная организация предложения с ДС-парентезой и коммуникативная структура соответствующего ему РА сообщения иная (Ср.: *Иван, наверное, не придет тебя проводить*). Зачином, темой является компонент *Иван*. Актуально значимая, рема-тическая информация, воплощающая иллокуцию РА сообщения, представлена компонентом *не придет тебя проводить*. ДС-парентеза *наверное*, по причине грамматической изолированности и интонационной и пунктуационной обособленности, не может быть отнесена ни к теме, ни к реме. ДС не выполняет ни функции зачина, ни функции ремы, реализующей иллокуцию сообщения. Его изолированная коммуникативная позиция, соответствующая грамматической изоляции, и коммуникативная роль осознаны лингвистами как особая коммуникативная позиция атонической темы [5:76–82]. Атоническая тема представляет собой безударный компонент коммуникативной структуры, который произносится в аллегровом темпе и без внутренних пауз. Это позиция между двух ударных компонентов (темы и ремы), т.е. коммуникативно «теневая» позиция. По отношению к содержанию атоническая тема

закрепляет изолированность позиции говорящего, обнаруживаемой в ремарках, а также эмоциональных и вероятностных оценках сообщаемого.

В синтаксической и коммуникативной структуре сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным планы выражения субъективного модуса и ассертивного компонента (пропозиции) равноценны и представлены как логически выстроенная речь, воплощающаяся в грамматически связанном линейном ряду словоформ, т.е. в тема-рематической последовательности. В синтаксической и коммуникативной структуре осложненного предложения с ДС-парентезой планы выражения модуса и пропозиции различаются. На первый план выдвигается основное событие, а модус говорящего отходит на второй план, в тень парентетической позиции.

ДС в функции вставки производит как бы «разрыв» в тема-рематической последовательности, тем самым имитируя спонтанность обыденной речи. ДС-парентеза «дает выход» как будто бы спонтанной, вырывающейся в момент речи, не запланированной заранее реакции, отражающей внутреннее состояние говорящего – его интенцию. Эта вставка, осознаваемая как лишенная признаков преднамеренного, рационального обдумывания и планирования, противоположна и противопоставлена остальной части предложения как заранее запланированному содержанию. Эта противопоставленность двух частей высказывания подчеркивается фактом традиционного интонационного и пунктуационного обособления вводно-модальных слов в составе предложения.

Таким образом, русский язык предоставляет говорящему разные возможности для выражения собственного отношения к сообщаемому. Говорящий при совершении речевого акта имеет возможность представить свое отношение к сообщаемому как заранее обдуманное, запланированное до момента речи, связанное с рациональным осмыслением и отбором слов, т.е. с активной сферой сознания. В таком случае говорящий выбирает форму: *Я думаю/считаю/полагаю/рад/сожалею/опасаюсь, что...* В коммуникативной организации речевого акта сообщения выраженный глаголом-перформативом модус, как правило, становится началом, разбегом РА и произносится с соответствующей интонацией повышения тона. С этим связан и большой коммуникативный вес этого компонента: начиная таким образом свой рече-

вой акт, говорящий претендует на большую важность для слушающего вводимой информации по сравнению с альтернативной возможностью выразить свое отношение с помощью парентезы. Попадая в разные коммуникативные позиции, одна и та же информация по-разному воздействует на адресата, имеет разный психологический и коммуникативный статус. Как представляется, прагматические правила выбора говорящим того или иного компонента связаны с этими различиями в их коммуникативном и психологическом статусе.

Сфера коммуникативных значений представляет собой сферу тонких смыслов, выражающихся порядком слов и интонацией, часто различимых лишь в рамках лингвистических описаний. Таким образом, можно предположить, что «преднамеренная» мыслительная деятельность человека прототипически выражается в тема-рематической последовательности (*Иван не придет тебя проводить*), которая соответствует базовой пропозиции как информационному центру сообщения, а спонтанная, часто эмоциональная реакция как «выход» внутреннего состояния, не запланированного заранее, имитируется парентезой (*наверное/вероятно /возможно*). Глаголы *считаю, думаю, боюсь, сожалею* в функции предикатов выражают самоосознание и саморефлексию говорящего по поводу своей речевой деятельности и выраженного в высказывании модуса (Ср.: *Я думаю, что Иван не придет тебя проводить* или *Я сожалею, что Иван не придет тебя проводить*). Высказывания с ДС *наверное, к сожалению* (Ср.: *Иван, наверное, не придет тебя проводить* или *Иван, к сожалению, не придет тебя проводить*) представляют соотносимую по семантике модальную оценку так, как будто бы она не была осознана говорящим до момента речи и «на глазах у слушателя» спонтанно рождается в момент речи.

Язык часто определяют как форму существования сознания, возможно, что рассмотренное соотношение разных средств выражения модальных значений связано с разным психологическими зонами сознания говорящего, находящими свое выражение в языке. Несмотря на то что апелляция к устройству сознания даже в случае когнитивного подхода выходит за рамки компетенции лингвиста, учет имманентных свойств языкового сознания позволяет осознать коммуникативно различные функции семантически близких слов.

Литература

- 1.** *Апресян Ю.Д.* Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. – М., 2004. **2.** *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам. – М., 1993. **3.** Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара. – М., 1998. **4.** *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. **5.** *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. – М., 2001.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається мовна специфіка дискурсивних слів, їх зв'язок з семантикою та комунікативної структурою висловлювання.

SUMMARY

The article studies the semantics of discourse words, its connections with semantics and communicative structure of sentence.